

Юношескіе годы св. Іоанна Златоуста и приготовленіе его къ пастырскому служенію.

II.

Аскетическій подвигъ Св. Златоуста и выясненіе жизненнаго призванія.

Нравственное перерожденіе Златоуста подъ воздѣйствіемъ божественной благодати, стремленіе его къ подвижнической жизни. Ссылка Мелетія въ 372 году. Діодоръ и Картерій. Θεодоръ и Максимъ. Религіозная чуткость Іоанна. Паденіе Θεодора и раннее призваніе Златоуста къ епископскому служенію, какъ два факта, ускорившихъ въ немъ опредѣленіе жизненнаго призванія. Посланія къ Θεодору папшему. Поставленіе Василія во епископы, уклоненіе отъ епископскаго сана Іоанна. Происхожденіе и характеръ словъ о священствѣ. Анализъ ихъ содержанія. Бѣгство Златоуста въ пустыню и четырехлѣтній аскетическій подвигъ подъ руководствомъ суроваго сирійца, свидѣтельство объ этомъ Іоанна Дамаскина. Характеристика монастырскаго житія, Златоустъ, какъ защитникъ монашества. Пастырское значеніе и цѣль аскетизма по ученію Златоуста, миссіонерскій характеръ монашеской жизни. Слова Златоуста о подвижничествѣ, какъ плодъ его аскетическаго самоуглубленія. Сущность воззрѣній Златоуста на монашество. Его теорія религіозно-нравственнаго воспитанія юношества. Жажда еще болѣе суровой жизни и удаленіе Златоуста въ пещеру. Двухлѣтній аскетическій подвигъ въ пещерѣ. Выясненіе пастырскаго призванія.

Великимъ и продолжительнымъ размышленіемъ подготовленное крещеніе Іоанна было для него рѣшительнымъ переломомъ нравственной жизни. Начинался новый періодъ его жизни, періодъ по преимуществу духовнаго дѣланія, подвижничества и полнаго выясненія для него религіознаго жизненнаго идеала. Принявъ крещеніе, Златоустъ продолжалъ свои занятія изученіемъ Слова Божія подъ руководствомъ Мелетія до самаго изгнанія послѣдняго Валентомъ въ 372 г. Благодатное обновленіе Іоанна выразилось въ совершенномъ измѣненіи его нравственной жизни и въ стремленіи къ подвижничеству съ отреченіемъ отъ міра. Объ из-

мѣненіи правственной жизни свидѣтельствуетъ достовѣрнѣйшей изъ біографовъ Златоуста Палладій. Отвѣчая на вопросъ своего собесѣдника относительно нрава Іоанна въ общеніи съ людьми, Палладій свидѣтельствуетъ о его полной духовной собранности и указываетъ началомъ ея именно принятіе крещенія ¹⁾. Самъ Златоустъ неоднократно подтверждаетъ, что хотя нѣкоторая горячность была въ его характерѣ, однако онъ послѣ крещенія избавился отъ нея и продолжалъ дѣятельную духовную борьбу съ грѣхомъ своей природы. Въ 3 словѣ о священствѣ онъ говоритъ между прочимъ, что священнику вредитъ особенно гнѣвливость. Ничто, говоритъ онъ, не помрачаетъ столько чистоту души и ясность мыслей, какъ стремительный и необузданный гнѣвъ. Гнѣвъ губитъ и разумныя (Притч. XV, 1). Потемненное око души, какъ въ ночномъ сраженіи не отличаетъ союзниковъ отъ непріятелей, худыхъ отъ добрыхъ, но на всѣхъ одинаково смотритъ и, хотя бы предстояло какое нибудь зло, на все удобно рѣшается, только бы насытить душу удовольствіемъ. Гнѣвъ возмущаетъ мирное состояніе души, легко вдыхаетъ въ себя надменность, несправедливыя вражды, безразсудную ненависть, часто побуждаетъ безъ причины

¹⁾ Palladii dialorus historicus pag. 67. Разрѣшая далѣе возраженіе Теодора относительно нрава Златоуста въ виду того, что многіе обвиняютъ его въ гнѣвливости и высокоуміи, Палладій указываетъ на полное отсутствіе у него этого отрицательнаго качества и утверждаетъ, что въ гнѣвливости и высокоуміи могли обвинять Златоуста и дѣйствительно обвиняли лишь обличаемые имъ со всею суровостію пастырской ревности неисправимые грѣшники, но, весьма понятно, что подобнаго рода суровость всегда граничитъ съ душевною мягкостію и глубочайшею скорбію о погибеліи грѣшника (р. 68—69). Только Сократъ на основаніи ложныхъ и непровѣренныхъ имъ источниковъ обвиняетъ Іоанна въ томъ, что онъ былъ гнѣвливъ и нимало не заботился о смиреніи (lib. VI, cap. III). Но мнѣніе сократа стоитъ почти одинокимъ. Многіе же писатели древности, признавая горячность и суровость въ характерѣ Златоуста, относятъ ея неумѣренное проявленіе къ возрасту до крещенія (см. Acta sanct. Sept. t. IV, pag. 414, § VI). При ясномъ сознаніи Златоустомъ христіанскаго идеала, весьма понятно, конечно, что жизненныя отклоненія отъ него должны были причинять ему жестокою скорбь. И вотъ онъ, въ полномъ сознаніи своего божественнаго права, обращается съ суровымъ обличеніемъ къ богачамъ немилосердымъ, къ развратнымъ ювшамъ, къ клирикамъ, забывшимъ обязанности своего званія и т. д. Вичуетъ порокъ жезломъ желѣзнымъ, обличаетъ дворъ, обличаетъ все направленіе жизни. И, конечно, грѣховный міръ долженъ былъ видѣть въ немъ своими ослѣпленнымъ глазами гнѣвливаго и нетерпимаго человѣка.

наносить оскорбленія и заставляетъ дѣлать много другаго подобнаго, душа увлекается быстрымъ потокомъ страсти и нигдѣ не можетъ остановиться, дабы противостать ея стремленію ¹⁾). Но когда этотъ анализъ гнѣва былъ предложенъ Златоустомъ Василию въ качествѣ мотива, извиняющаго Іоанна въ уклоненіи отъ священства, Василій рѣшительно отвергъ значеніе этого отрицательнаго мотива для самого Златоуста. Я не потерплю твоего притворства, говорилъ онъ, ибо кто не знаетъ, сколько ты далекъ отъ этой страсти? Но Златоустъ отвѣтилъ, что звѣрь гнѣва еще дремлетъ въ немъ и если не проявляется, то только благодаря спокойствію и уединенію любимому имъ ²⁾). Іоанну предстоялъ выборъ, или избрать тихую келейную жизнь съ ея безмолвіемъ и сокровенными подвигами, или, пребывая въ мірѣ, служить Церкви въ качествѣ клирика, — должности, сопряженной со многими трудами и заботами не только о себѣ самомъ, но по преимуществу о другихъ. Василій не оставлялъ Іоанна и убѣждалъ его, чтобы онъ навсегда поселился съ нимъ въ одномъ жилищѣ ³⁾). И скоро Іоаннъ склонился на убѣжденія друга, рѣшился посвятить себя отшельнической жизни. Но онъ зналъ, что любовь матери, память о ней, будутъ мучить его, куда бы онъ ни ушелъ, если бы онъ исполнилъ свое жизненное рѣшеніе безъ ея согласія. Онъ обратился за благословеніемъ къ матери. Мы знаемъ, что мать не дозволила Іоанну оставить ее и онъ отложилъ на время исполненіе своего желанія. Можно думать, что и Мелетій препятствовалъ Іоанну отдаться отшельничеству и подвижничеству, зная его пригодность для церковныхъ служебій и съ этою цѣлію скоро сдѣлалъ его чтецомъ. Вступивъ въ число клира, Іоаннъ еще болѣе сблизился съ Мелетіемъ и въ самой должности своей находилъ и новыя побужденія, и прочное руководство къ изученію Слова Божія и къ нравственному усовершенствованію ⁴⁾). Оставаясь въ домѣ своей матери, онъ велъ строгую подвижническую жизнь. Постомъ, ночными бдѣніями, чтеніемъ священныхъ книгъ

¹⁾ О свящ. сл. III, стр. 79.

²⁾ Ib. 79—80, 55—56.

³⁾ О свящ. сл. I, стр. IV.

⁴⁾ Acta Sanct. IV, p. 315.

и самоуглубленіемъ онъ старался обуздать въ себѣ страсти и всѣ дѣйствія и движенія своей души покорить Христу. Особенно цѣнно въ этомъ случаѣ свидѣтельство Іоанна Дамаскина, который въ похвальномъ словѣ своемъ Златоусту говоритъ, что всѣ его добродѣтели положены были на обильнѣйшемъ основаніи смиренія ¹⁾. Кто, скажи мнѣ, кто станетъ обличать мои пороки, спрашиваетъ Златоустъ Василія. Эти стѣны и эта келлія?—Но онѣ не могутъ говорить. Мать, которой болѣе всѣхъ извѣстна моя жизнь?—Но и съ нею я имѣю мало общенія и притомъ мы никогда не были съ нею въ несогласіи. Если бы кто захотѣлъ вѣрнѣе испытать мою душу, тотъ пашель бы въ ней много слабостей ²⁾. Но эти слова его, полныя скромности и смиренія, свидѣлствуютъ, что онъ и въ домѣ матери не оставлялъ подвижничества и въ то же время стремился къ новымъ подвигамъ, желалъ болѣе строгой дисциплины. Желаніе отшельничества и болѣе суроваго воспитанія постепенно возрастало въ немъ. Слова о священствѣ, — *плодъ его духовной аскетики*, свидѣлствуютъ о его неусыпномъ и непрерывномъ бдѣніи надъ собою. Нельзя сказать и того, чтобы у него не было тогда никакихъ внѣшнихъ дисциплинарныхъ средствъ, о которыхъ онъ такъ заботился. Кромѣ Василія, по свидѣтельству историковъ, онъ пользовался наставленіями пресвитеровъ Діодора и Картерія и своихъ друзей—Теодора и Максима. Аріанинъ Валентъ сослалъ Мелетія Антіохійскаго въ 372 г. въ вѣчную ссылку. Мѣсто Мелетія по учительству заняли пресвитеры Діодоръ и Картерія ³⁾. Первый изъ нихъ, наиболѣе извѣстный, пользовался особеннымъ уваженіемъ Іоанна. Въ привѣтственномъ словѣ своемъ Діодору Іоаннъ рисуеъ его, какъ аскета и ревностнаго пастыря Церкви, указываетъ на его нестяжательность, апостольскій характеръ жизни, заботы о наученіи паствы, ревность во вѣрѣ, терпѣніе въ несчастіяхъ и призываетъ во свидѣтели

¹⁾ Oratio panegyrica auctore S. Iohanne Damasceno cap. I, 2. Acta Sant. IV, 701.

²⁾ О свящ. сл. VI, стр. 183; ср. сл. III, стр. 76—79.

³⁾ Діодоръ былъ впоследствии епископомъ Тарсійскимъ и написалъ много книгъ: Sosom. Lib. II, cap. II; Socrat. lib. VI, cap. III. Картерія извѣстенъ мало.

самихъ антиохійскихъ гражданъ ¹⁾. Картерій менѣе извѣстенъ. Своими основательными познаніями въ священномъ писаніи, своимъ обширнымъ богословскимъ образованіемъ Іоаннъ обязанъ преимущественно Діодору. Кромѣ того, подъ вліяніемъ наставленій Діодора образовался и самый способъ изъясненія свящ. Писанія, употребляемый Іоанномъ. Товарищами Златоуста въ изученіи свящ. Писанія и началъ монашеской жизни были его бывшіе товарищи по школъ Ливанія Θεодоръ и Максимъ, которыхъ онъ располагалъ къ иноческой жизни ²⁾. Ко времени антиохійскаго воспитанія Златоуста у Діодора и Картерія относится также тотъ случай опасности съ нимъ, о которомъ онъ рассказываетъ въ 38 бес. на кн. Дѣяній. Императоръ Валентъ при своемъ аріанскомъ вольномысліи былъ ужасно суевѣренъ и потому слѣдилъ за всякими проявленіями магіи и волшебства. Антиохія особенно была подозрительна ему въ этомъ отношеніи. Городъ былъ, по свидѣтельству Златоуста наполненъ полицейскими агентами, которые искали, не попадутся ли гдѣ чародѣйскія, или волшебныя книги. И вотъ, однажды Іоаннъ, идя со своимъ другомъ (вѣроятно Василиемъ), увидѣлъ плавающую у берега книгу. Они подняли ее и стали разсматривать. Случилось, что въ это время мимо проходилъ агентъ полиціи и они провели нѣсколько ужасныхъ минутъ въ трепетѣ и ужасѣ, боясь быть открытыми и подвергнутыми жестокому наказанію ³⁾. И подобныхъ случаевъ съ Іоанномъ было много, какъ онъ самъ свидѣтельствуешь. Важно здѣсь самое отношеніе Іоанна къ подобнымъ фактамъ. Я рассказалъ вамъ, говоритъ онъ, это для того, чтобы каждый, зная, если не такіе, то другіе подобныя случаи, постоянно помнилъ объ нихъ. Напр., не случалось ли, что камень брошенный и могшій упасть на тебя, не попадалъ въ тебя, содержи это всегда въ памяти. Это много содѣйствуетъ намъ питать любовь къ Богу. Это избавляетъ отъ

¹⁾ Слово въ похвалу Діодору, епископу Тарсійскому Бес. на разн. сл. II, 320.

²⁾ Θεодоръ былъ впоследствии епископомъ Мопсуестскимъ (Mopsuestia in Cilicia), а Максимъ еп. Селевкійскимъ (Maximus recencetur inter episcopos Seleucienses in Ibauria). Soer. Lib VI, c. III; Sosom. lib. VIII, cap. II.

³⁾ Бес. ва Дѣян. ч. II, стр. 165—166.

унынія въ несчастіяхъ ¹⁾). Этотъ случай характеризуетъ полноту христіанскаго міровоззрѣнія Златоуста и указываетъ путь его развитія,— путь религиозно-психологическаго изученія жизни, освященія жизненныхъ фактовъ религиознымъ сознаніемъ. Каждый изъ подобныхъ случаевъ все болѣе и болѣе утверждалъ Златоуста въ вѣрѣ въ міроправительный Промыслъ и указывалъ слабость естественныхъ человѣческихъ силъ въ качествѣ самодовлѣющаго жизненнаго начала. Два крупные факта изъ жизни Златоуста имѣли для него рѣшающее значеніе,—это *судьба* одного изъ друзей—*Теодора* и раннее призваніе *его* къ епископству. Оба факта имѣли своимъ послѣдствіемъ въ душѣ Златоуста окончательную рѣшимость отдаться аскетическимъ подвигамъ въ сознаніи личнаго безсилія въ отношеніи къ высокимъ жизненнымъ задачамъ. Пылкій и впечатлительный Теодоръ, изучивъ начала христіанской жизни, произнесъ окончательное отреченіе отъ мірскаго жизни и предался духовнымъ подвигамъ. Цѣлые дни проводилъ онъ въ чтеніи, цѣлыя ночи въ молитвахъ ²⁾). Но его обращеніе къ подвижнической жизни, удивлявшее его друзей, было не глубоко, оно совершилось безъ могучихъ нравственныхъ переворотовъ и безъ продолжительнаго подвига самоиспытанія, но по одному минутному увлеченію высокимъ идеаломъ духовной жизни. Скоро онъ увлекся мірскою жизнью, прельщенъ былъ свѣтскими удовольствіями и вздумалъ вступить въ бракъ. Это событіе весьма огорчило друзей. Іоаннъ былъ потрясенъ до глубины души, наглядно видя на примѣрѣ Теодора слабость естественнаго человѣка въ духовной жизни. Побуждаемый ревностью о спасеніи погибающаго Теодора, Іоаннъ пишетъ ему два посланія, или письма, которые въ изд. извѣстны подъ именемъ словъ къ Теодору падшему ³⁾). Содержаніе

¹⁾ Ibid. стр. 166—167.

²⁾ Ad Theod. lapsum I, pag. 29, ed. Montfauconis t. I.

³⁾ Созоменъ, Гезихій, Теодоръ Кесарійскій указываютъ одно только посланіе къ Теодору. Леонцій Византійскій-знаменитый богословъ конца VI в. и Исидоръ Испавскій признаютъ два посланія подъ заглавіемъ „къ падшему“ и адресованныхъ одному и тому же лицу. Послѣдній говоритъ, что онъ самъ читалъ два письма Златоуста къ Теодору: legi duo ejus de lapsis libellos, scriptos ad quendam Theodorum lamentis et exhortationibus plenos ut puta illum a bona conversatione dejectum. Таково же свидѣтельство

этихъ посланій опредѣляется уже ихъ поводомъ и задачею. Въ первомъ посланіи Златоустъ убѣждаетъ Θεодора оставить снова суетную мірскую жизнь и быть вѣрнымъ разъ избранному иноческому пути. Онъ предостерегаетъ Θεодора отъ возможнаго въ его положенія отчаянія и указываетъ на милосердіе Божіе и остатокъ добра въ душѣ человѣческой, какъ основанія возможности обращенія изъ самой глубины паденія. Рѣчь изобилуетъ множествомъ примѣровъ и текстовъ св. Писанія, что доказываетъ уже въ это время хорошее знаніе Библии и умѣнье пользоваться словомъ Божіимъ для нравственныхъ цѣлей. Таково же по существу и второе посланіе, замѣчательно въ немъ доводъ противъ возможности для Θεодора брачной жизни, такъ какъ онъ уже обручился небесному жениху и, оставляя его, совершаетъ прелюбодѣянiе. Оба посланія составляютъ цѣнный даръ Златоуста наукѣ духовной жизни. Самое замѣчательное въ нихъ и увеличивающее ихъ цѣнность—это глубокая, проникновенная, исполненная любви и всеобъемлющая скорбь Іоанна о погибающей душѣ, вѣчная пастырская скорбь, имѣющая своимъ предѣломъ только обращеніе грѣшника ¹⁾. Это было первое выступленіе Іоанна на служеніе ближнему словомъ, первый опытъ его пастырской дѣятельности ²⁾.

Второй фактъ, имѣвшій важное значеніе въ подготовительномъ періодѣ жизни Златоуста, былъ—раннее призваніе его къ епископскому сану вмѣстѣ съ его другомъ Васили-

Леовтія Византійскаго (Acta Sanct. Sept. t. IV, pag. 416). Тоже доказывается сходствомъ посланій по содержанію и стилю. Второе посланіе заставляетъ предполагать, что Θεодоръ письменно, или устно отвѣчалъ на 1-е посланіе Іоанна и желалъ оправдать свое возвращеніе въ міръ заботами о домашнихъ дѣлахъ, примѣрами другихъ и т. п. Въ концѣ второго посланія Златоустъ даетъ повѣсть, что онъ писалъ прежде Θεодору и великая любовь къ послѣднему заставила написать и это посланіе (Ad Theod. lapsum. Ep. II, pag. 51. Ed. Montf. t. I. Неандеръ думаетъ, что второе посланіе писано къ другому лицу, Neander. Der hl. Joh. Chrys. B. I, pp. 22—23. Anmerk. 2. Но для этого нѣтъ основаній.

¹⁾ Ad. Theod. lapsum, ep. I, pag. 2.

²⁾ Относительно времени написанія посланій къ Θεодору надшему существуютъ разногласія. По мнѣнію Баровія, они были написаны Златоустомъ во время жизни въ пустывѣ. Ему слѣдуетъ Монфоконъ (Molitum in duas I. Chr. ad Theod. lap. ep. t. I, p. XX) и нѣк. др. Тильмовъ, ссылаясь на второе письмо, гдѣ говорится о 20 лѣтнемъ возрастѣ Θεодора, возражаетъ

емъ прямо изъ званія чтецовъ антиох. Церкви. Не смотря на скромную и полную смиренія жизнь Іоанна и Василия они скоро стали извѣстны предстоятелямъ церкви и обоихъ друзей рѣшено было поставить во епископы. Время этого событія можно полагать не ранѣе 374 г. ¹⁾ на томъ основаніи, что къ этому году относится удаленіе Іоанна въ пустыню, а послѣднее въ свою очередь было вызвано его раннимъ призваніемъ къ епископству и онъ удалился изъ опасенія, чтобы его не поставили во епископы противъ воли. По свидѣтельству Дамаскина Іоаннъ былъ поставленъ въ чтецы около 30 л. ²⁾, но до призванія его къ епископству прошло около 2 лѣтъ, такъ что ему приближался 30 лѣтній возрастъ ³⁾. Самъ Златоустъ многократно свидѣтель-

что они писаны гораздо ранѣе, но ошибка Тильмона очевидна; несомнѣнно, что онъ имѣетъ въ виду какое нибудь иное (м. б. подложное) письмо Златоуста (*Acta sanct. pag. 419*). Точныя основанія для сужденія о времени написанія *epistolarum ad Theod. Iarsum* могутъ быть выведены изъ приведенныхъ выше свидѣтельствъ историковъ о первоначальныхъ отношеніяхъ Іоанна и Θεодора. По свид. Сократа, Созомена и Θεодорита, Θεодоръ въ одно время съ Златоустомъ изучалъ свящ. Писаніе у Діодора (*Theod. lib. V, cap. 40*). Но Діодоръ имѣлъ особенное попеченіе о церкви Антиохійской вмѣстѣ съ Флавіаномъ отъ 372 г. до 378, т. е. пока оставался въ изгнаніи св. Мелетій, еп. Антиохійскій (*Theod. IV, 25*). Нужно думать, что въ началѣ этого совмѣстнаго обученія у Діодора и писаны посланія Іоанна къ Θεодору. Противъ болѣе поздняго (во время пуст. жизни) происхожденія писемъ говоритъ самое содержаніе ихъ. Когда Златоустъ жилъ въ пустынѣ, онъ проводилъ первые четыре года подъ дисциплиной суроваго сирійскаго старца (*Palladii dial. hist. pag. 18*). Но Діодоръ, подъ дисциплину и руководство котораго старается возвратить Θεодора Іоаннъ не былъ тогда старцемъ, потому что послѣ нѣсколькихъ лѣтъ поставленъ былъ епископомъ и епископствовалъ 36 лѣтъ (*Theod. lib. V, cap. 40*). Слѣдуетъ думать, что занятія св. Писаніемъ у Діодора начались для Златоуста не ранѣе 372 г. потому что въ этомъ году былъ отправленъ въ ссылку Мелетій, но невѣроятно, чтобы Златоустъ занимался у Діодора, пока Мелетій находился въ Антиохіи. Сообразно съ приведенными основаніями слѣдуетъ думать, что вступленіе Іоанна и Θεодора подъ дисциплину Діодора, къ которой письма призываютъ Θεодора, относится къ 372 г. Несомнѣнно также, что ови написаны прежде, чѣмъ Златоустъ ушелъ въ пустыню, т. е. около 374 г. Итакъ, посланія къ Θεодору написаны Златоустомъ между 372 и 374 гг., слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, составляютъ первый памятникъ его пастырскаго служенія словомъ.

1) Тильмонъ и Монфоконъ соглашаются, что Іоаннъ удалился въ пустыню не ранѣе 374 г.

2) *Oratio paeg. cap. III.*

3) Противъ ранняго (прежде 30 лѣтъ) призванія Іоанна и Василия къ

отвѣтъ, что въ пору призванія ихъ къ епископству оба они были въ юношескомъ возрастѣ. Указывая на личное достоинство Василія, какъ основаніе для принятія имъ епископскаго сана, Іоаннъ называетъ его, однако, юношей. Выставляя возможные возраженія постороннихъ, завидующихъ чести ихъ избранія въ предстоятельское достоинство, Златоустъ особенно указываетъ на юный возрастъ, какъ на поводъ къ соблазну и возраженіямъ людей противъ правоспособности Василія и Іоанна быть предстоятелями церкви (сл. I). Этимъ онъ свидѣтельствуетъ, что они оба были въ юномъ возрастѣ въ то время, какъ ихъ искали для епископства. Іоаннъ хорошо зналъ высокія достоинства своего друга, но онъ зналъ также и горячую любовь послѣдняго къ себѣ, въ силу чего онъ могъ взять жребій священства лишь въ случаѣ согласія на то же и Іоанна. Зная это, Іоаннъ рѣшился прибѣгнуть къ обману, изъясняя видимое согласіе быть епископомъ, съ тою цѣлю, чтобы склонить своего друга къ этому высокому служенію. Василій¹⁾, посовѣтовавшись предварительно съ Іоанномъ и

епископскому сану возражаютъ, указывая на XI прав. Неокес. соб. 314 г. на которомъ было поставлено, чтобы никто не былъ поставляемъ во пресвитера прежде 30 л. возраста, хотя бы онъ былъ и одобрительной жизни. Противъ смысла такого постановленія и буквальнаго исполненія его возражаетъ неоднократно самъ Златоустъ. Онъ свидѣтельствуетъ, что о подготовленности избѣтнаго кандидата къ пастырскому служенію нужно судить не по возрасту, но по его нравственному состоянію. Во 2 сл. о священствѣ онъ говоритъ объ этомъ въ утѣшеніе Василію: чего бы не сказали? Погублено стадо Христово и т. д. Хотя сіе самое могутъ сказать и о тебѣ, но ты дѣлами своими скоро докажешь, что не должно судить о умѣ по возрасту, ни дѣлать предпочтенія старцу за его сѣдину, а молодого по лѣтамъ вовсе отдалять отъ сего служенія. Это относится только къ молодому по вѣрѣ (новокрещенному). А между тѣмъ (*νεος*) и другимъ (*νεοφυτος*)—великое различіе (стр 50—51). По смыслу этихъ словъ Златоуста слѣдуетъ, что даже постановленіе Неокес. собора не нарушается при допущеніи юныхъ въ церковныя служенія при соответствіи послѣднему ихъ нрав. качествъ. Практика церкви свидѣтельствуетъ, что не рѣдки были примѣры поставленія во пресвитера лицъ, не достигшихъ 30-лѣтняго возраста; такъ Ремигій былъ поставленъ во епископы Ремензы, когда имѣлъ около 22 лѣтъ; Элевферій—нѣкто двадцати-лѣтнимъ юношей былъ поставленъ епископомъ въ Илирикъ—палою Аникитомъ (см. in libros de sacerdotio monitum in ed. Montfauc. t. I, pag. 441).

¹⁾ Относительно личности Василія существуютъ разногласія, перво-

получивъ отъ него видимое согласіе на совмѣстное прохождение высокаго епископскаго служенія, покорился суду отцовъ въ надеждѣ, что и Іоаннъ послѣдуетъ его примѣру. Но Іоаннъ, поверженный въ трепетъ и ужасъ однимъ слухомъ о намѣреніи предстоятелей церкви возвести его въ епископское достоинство, уклонился отъ посвященія и скрылся въ пустыню. Когда Василій узналъ о поступкѣ своего друга, онъ объятъ былъ глубокою скорбію, какъ вслѣдствіе обмана

источникомъ которыхъ слѣдуетъ считать Сократа, который, какъ мы уже неоднократно видѣли, передаетъ много недостоверныхъ свѣдѣній о Златоустѣ. Сократъ говоритъ (*lib. VI, cap. 3*), что это былъ Василій Великій, еп. Кесаріи Каппадокійской. Но ложь подобнаго утвержденія очевидна для всякаго. Василій Великій въ это время не былъ юношей и не жилъ въ Антиохіи, пока это совершалось. Онъ, какъ извѣстно, былъ долгое время пресвитеромъ въ Кесаріи, потомъ нѣсколько лѣтъ епископомъ въ томъ же городѣ, тогда какъ другъ Златоуста былъ поипъ, жилъ въ Антиохіи и учился совмѣстно съ нимъ у Діодора и Картеріа. Фотій думаетъ, что это былъ Василій еп. Селевкійскій, который, нужно думать, только родился около этого времени, такъ какъ въ 451 г. участвовалъ епископомъ въ соборѣ Халкидонскомъ, а въ 458 г. писалъ императору Льву. Нельзя также отождествлять Василя съ Максимомъ, другомъ Златоуста. Бароній, болѣе достовѣрный въ данномъ случаѣ, основываясь на фактѣ участія друга Златоуста на соборѣ Константинопольскомъ (381 г.), говоритъ, что онъ былъ одинъ изъ двухъ бывшихъ тамъ епископовъ, носившихъ имя Василя: одинъ—еп. Рафавенскій въ Сиріи, другой— епископъ Библа въ Финикіи. Что касается послѣдняго, то во многихъ изданіяхъ соборныхъ актовъ овъ носить имя Василица, а не Василя. Другой же въ изд. Лаббея (*t. II, Conciliorum col. 955*) подписывается Василіемъ, еп. Рафаненскимъ (см. *Acta Sanct. Sept. t. IV, pag. 425*). Монфоконъ считаетъ единственно вѣроятнымъ послѣднее мнѣніе о личности Василя и считаетъ его епископомъ Рафаны Сирійской (*in libros de Sac. monitum Ed. Montfauc. t. I, p. 441*). Послѣднее мнѣніе имѣетъ основаніе въ словахъ самого Златоуста. По свидѣтельству Іоанна его другъ вскорѣ послѣ посвященія пришелъ къ нему съ глубокою скорбію, желая зная объясненіе его поступка съ нимъ. Послѣ продолжительной бесѣды, прощаясь съ Іоанномъ, Василій умолялъ своего друга не оставлять его одинокимъ, давать ему наставленія, совѣты и утѣшенія. Св. Іоаннъ обѣщаль по временамъ приходить къ нему для бесѣды. Но постоянное общеніе и свиданія друзей были возможны лишь въ томъ случаѣ, если мѣсто епископства Василя было не далеко отъ Антиохіи, въ которой жилъ и около которой подвизался Іоаннъ. Такова и была именно Рафана Сирійская. По свидѣтельству Келларія (*Georg. t. II, pag. 258*) г. Рафана находился въ средней Селевкии, которой главнымъ городомъ была Антиохія и расположенъ былъ между Антарадомъ и рѣчкою Оронтомъ, на которой лежала Антиохія, такъ что между Рафаной и Антиохіей было весьма незначительное разстояніе (*Acta Sanct. t. VI, pag. 426*).

со стороны Іоанна, такъ и въ особенности вслѣдствіе сознанія своего одиночества въ трудномъ пастырскомъ служеніи. Онъ разыскалъ мѣсто убѣжища Іоанна и, со слезами на глазахъ пришедши къ нему, просилъ Іоанна объяснить ему свой поступокъ. Съ полною готовностію облегчить скорбь своего друга, Златоустъ оправдывается предъ нимъ указаніемъ на свое искреннее и глубокое уваженіе къ его достоинствамъ. Съ рѣдкою силою мысли и слова онъ защищается противъ обвиненій, возводимыхъ на него недоброжелателями и завистниками, убѣждаетъ, что не должно много думать объ оскорбленіи людей, когда дѣло идетъ объ оскорбленіи Бога. вмѣстѣ съ этимъ Іоаннъ излагаетъ свои мысли о высокомъ достоинствѣ священства, рисуется яркими красками высокой идеаль пастыря церкви, говоритъ о трудностяхъ, ему подлежащихъ, о тѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ испытаніяхъ, съ которыми пастырю предстоитъ бороться непрестанно, тѣмъ болѣе, что его личная гибель влечетъ за собою гибель вѣранныхъ ему душъ. Эти мысли Златоуста, прекрасно характеризующія его духовный образъ въ концѣ подготовительнаго къ пастырству періода, изложены имъ въ знаменитыхъ его словахъ о священствѣ ¹⁾. Главнымъ предметомъ словъ о священствѣ служитъ пастырскій идеаль: важность, трудность, высота и великая отвѣт-

¹⁾ Относительно времени написанія словъ существуютъ разногласія, которыя, правда, разрѣшаются довольно легко. Сократъ (lib. VI, cap. 3) говоритъ, что книги о священствѣ написаны Златоустомъ послѣ того, какъ онъ былъ поставленъ Мелетіемъ въ діакона. По мнѣнію Монфокона ни въ какомъ случаѣ нельзя предполагать, чтобы книги о священствѣ написаны во время хода самыхъ событій, по поводу которыхъ они появились, такъ какъ смыслъ рѣчи явно предполагаетъ нѣкоторый періодъ времени между событіемъ и бесѣдою по поводу его (tom. I, p. 441). По мнѣнію Баронія, слова о священствѣ написаны послѣ описываемаго въ нихъ события. По смыслу рѣчи Баронія можно думать, что между событіемъ и оправданіемъ Златоустомъ своего поступка прошло до шести лѣтъ. Но это болѣе, чѣмъ невѣроятно, потому что тогда не было никакой нужды а) оправдывать свое бѣгство отъ епископства, бывшее такъ давно; в) Василій, конечно, уже не нуждался въ такихъ позднихъ утѣшеніяхъ, такъ какъ шестилѣтній періодъ времени само собою могъ дать извѣстное объясненіе дѣлу; с) наконецъ, не было никакой нужды возобновлять въ умахъ антиох. гражданъ событіе, въ свое время ихъ весьма взволновавшее, какъ можно видѣть изъ самыхъ словъ о священствѣ. Но такъ какъ все таки слѣдуетъ предполагать нѣкоторое время между посвященіемъ Василія во епископы и бѣгствомъ Іоанна въ

ственность пастырскаго служенія. Но сознание пастырскаго идеала при нѣкоторомъ самонаблюденіи необходимо вызываетъ сознание собственнаго недостойнства чловѣка для принятія на себя ига Христова. Это то сознание недостойнства и покаянное самопознание, заставившее Златоуста уклоняться отъ пастырскаго признанія и бѣжать въ пустыню, это сознание своего недостойнства, думаемъ мы, и составляетъ основную идею словъ Златоуста о священствѣ. Для достойнаго прохожденія высокаго пастырскаго подвига необходима самоотверженная любовь, которая и высказывается Златоустомъ, какъ первое побужденіе и главнѣйшее основаніе пастырскаго служенія людямъ. Но стремленіе къ подъятію на себя ига Христова вызываетъ сознание величія подвига и на ряду съ нимъ слабости естественныхъ чловѣческихъ силъ и личнаго несовершенства въ его полномъ несоотвѣтствіи высокому пастырскому идеалу. Послѣднее и является мотивомъ, ослабляющимъ рѣшимость субъекта къ принятію пастырскаго служенія ¹⁾. Разгадка того недомѣннаго явленія, что Іоаннъ при горячей любви къ Богу и ближнимъ все же уклонился отъ пастырскаго служенія, — въ томъ, что онъ путемъ самонаблюденія и самоиспытанія стяжалъ себѣ покаянное сознание своей немощи и нѣкоторой страстности души, личнаго несоотвѣтствія высокому идеалу пастырства. Любовь къ Богу и ближнимъ побуждала Іоанна служить послѣднимъ, такъ какъ Господь необходимымъ знакомъ любви къ Нему поставилъ попеченіе объ овцахъ, а сознание своей немощи (*ἡ ἀσθενία*) отклоняло отъ

пустыню, съ одной стороны, написаніемъ словъ о священствѣ, съ другой, то мы не погрѣшимъ, въ виду изложенныхъ выше доводовъ, если скажемъ, что они написаны пока жива была память о бѣгствѣ Златоуста, обдуманы въ уединеніи пустыни и изданы въ свѣтъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ со дня его бѣгства, какъ прекрасная апологія его поступка. Согласно съ установленнымъ положеніемъ слѣдуетъ думать, что слова о священствѣ написаны Іоанномъ около 375 г., или предъ окончательнымъ его поступленіемъ въ отшельвическое общежитіе. Германцій свидѣтельствуетъ, что онѣ написаны въ пустынѣ. И этому нимало не противорѣчитъ общеизвѣстный фактъ ревностнаго прохожденія Златоустомъ общежительнаго подвига, такъ какъ и въ суровыхъ условіяхъ жизни у него всеже оставался вѣкторый досугъ, а монастырской дисциплинѣ не противно и даже полезно литературное упражненіе.

¹⁾ О свящ. сл. I, особ стр. 38.

принятія ига Христова. Являлась, такимъ образомъ, нѣко-
торая раздвоенность духа, внутренняя борьба, требовавшая
неотложнаго разрѣшенія. Нравственная логика сама собою
приводила Златоуста къ сознанию необходимости устранить
ту отрицательную инстанцію, которая единственно препят-
ствовала ему отдаться внутреннему призванію и удовлетво-
рить лучшимъ стремленіямъ своего духа. Онъ созналъ, что
необходимо очистить свою душу отъ страстей путемъ само-
отреченія и созналъ необходимость подготовительнаго къ
пастырству воспитанія духа. И вотъ онъ уходитъ въ пу-
стыню ¹⁾. Старець Сиріанинъ, къ которому пришелъ Зла-
тоустъ, совнѣ грубый и суровый, былъ опытенъ въ духов-
ной жизни. Іоаннъ совершенно подчинился суровымъ тре-
бованіямъ общежительной жизни Сирійскихъ монаховъ и
духовно совершенствовался, восходя отъ силы въ силу ²⁾.
Златоустъ оставался въ общежитіи монаховъ въ продолженіи
четырехъ лѣтъ (*δὲς δέο*) и вынесъ оттуда самое отрадное
впечатлѣніе. Строй, бытъ, характеръ, нравственно-воспи-
тательное значеніе монастырей, на основаніи личнаго изу-
ченія ихъ Іоанномъ, изображаются имъ весьма привлека-
тельными чертами. Укажемъ наиболѣе существенныя стороны
монашеской жизни востока во время Златоуста по его лич-
нымъ впечатлѣніямъ. Жизнь монашеская, по словамъ Зла-
тоуста, представляетъ полную противоположность жизни
мірской: между монашескою и мірскою жизнью такое же
различіе, какъ между пристанью и моремъ, непрестанно
разсѣкаемымъ вѣтрами. Избѣгая рынковъ, они предпочли
жизнь въ горахъ, которая не имѣетъ ничего общаго съ
настоящею жизнью, не подвержены никакимъ человѣ-
ческимъ превратностямъ ³⁾. Настоятель самъ будилъ
братію и они тотчасъ, съ благоговѣніемъ освободившись отъ
сна, встаютъ въ рядъ и вдругъ простираютъ руки горѣ и

¹⁾ Достоверныя, хотя и краткія свидѣтельства объ этомъ довольно зна-
чительномъ и несомнѣнно важномъ періодѣ жизни Іоанна мы находимъ у
его біографа и современника Палладія и у Іоанна Дамаскина (*oratio paneg.*).
Дамаскинъ опредѣляетъ содержаніе и значеніе подвиговъ Іоанна, какъ под-
готовительной къ пастырству школы.

²⁾ *Oratio paneg.* Cap. I, § 8. Имя старца, по словамъ Георгія Алекс., —
Гезихій. (*Acta Sanct.* pag. 426).

³⁾ На Мс. III, стр. 173.

воспѣвають священные гимны ¹⁾, встають здравы, бодры, и свѣжи. Ни гусли, ни свирѣль, ни иное какое музыкальное орудіе не издаетъ такого звука, какой можно слышать въ тишинѣ и въ глубокой пустынѣ, когда поють эти святыя люди ²⁾. Пропѣвши гимны съ благоговѣніемъ, они колѣнопреклоненно призываютъ прославленнаго ими Бога на помощь въ такихъ дѣлахъ, которыя другимъ не скоро бы и на умъ пришли. Они не просятъ ни о чемъ настоящемъ, но просятъ о томъ, чтобы имъ съ дерзновеніемъ встать предъ страшнымъ престоломъ, когда Единородный Сынъ Божій придетъ судить живыхъ и мертвыхъ, чтобы никому изъ нихъ не услышать сего страшнаго гласа: „не вѣмъ васъ“, чтобы въ чистотѣ совѣсти и обиліи добрыхъ дѣлъ совершить сію трудную жизнь и переплыть сіе бурное море ³⁾. Окончивъ утреннія молитвы и иѣніе священныхъ пѣснопѣній, обращаются они къ чтенію Писаній ⁴⁾. Одинъ беретъ Исаяю и съ нимъ разглагольствуетъ, другой бесѣдуетъ съ апостолами, третій читаетъ книги другихъ писателей и любомудрствуетъ о Богѣ, о мірѣ, о предметахъ видимыхъ и невидимыхъ, чувственныхъ и духовныхъ, о ничтожности жизни настоящей и о величіи жизни будущей ⁵⁾. Есть между ними и такіе, которые научились списывать книги. Каждый изъ нихъ, занявъ одно отдѣльное жилище, постоянно упражняется въ молчаніи, никто не суесловитъ. Потомъ совершаютъ они третій, шестой, девятый часъ и вечернее молитвословіе и, раздѣливъ день на четыре части, по окончаніи каждой изъ нихъ прославляютъ Бога пѣснопѣніями ⁶⁾. Тамъ никто не призываетъ слуги, ибо всякій самъ можетъ удовлетворить свои нужды. Сами они разводять огонь, сами колютъ дрова, сами готовятъ пищу, сами служатъ приходящимъ. Тамъ не услышишь, чтобы кто оскорблялъ другаго, не увидишь тамъ оскорбляемыхъ; нѣтъ тамъ ни принимающихъ приказанія, ни приказывающихъ, но всѣ слуги, каж-

¹⁾ Бес. ва 1 Тим. стр. 205.

²⁾ Ibid. 207.

³⁾ Бес. на Ев. Мѳ. III, 173.

⁴⁾ Бес. на 1 Тим. стр. 208.

⁵⁾ Бес. на Ев. Мѳ. III, 179.

⁶⁾ Бес. на 1 Тим. стр. 209.

дый омываетъ ноги страшиковъ и одинъ предъ другимъ стараются оказывать имъ услуги, не разбираютъ они, кто къ нимъ пришелъ, рабъ, или свободный, но дѣлаютъ это для всѣхъ равно ¹⁾). Любятъ они обращаться съ нищими и увѣчными и за столомъ ихъ много такихъ гостей и потому то они достойны неба. Одинъ врачуетъ раны недужнаго, другой водить слѣпаго, иной носить безногаго ²⁾). Ихъ внутреннее настроеніе представляетъ полную духовную собранность, самоуниженное смиреніе и готовность служить всѣмъ людямъ. Душа ихъ, по словамъ Златоуста, свободна отъ всѣхъ страстей и болѣзней, тонка, легка и чище самаго тонкаго воздуха ³⁾). Полная и истинная свобода есть достояніе отрѣшившихся отъ мірскихъ началъ общежитія. Нѣтъ у нихъ страха и трепета, не обвиняетъ начальникъ, не раздражаетъ жена, не печалитъ сынъ, не утомляетъ чрезмѣрный смѣхъ, не напыщаетъ толпа ласкателей ⁴⁾). Тамъ нѣтъ господина и раба; всѣ—рабы и всѣ—свободные. Они и рабы другъ другу и владыки другъ надъ другомъ ⁵⁾). Они—граждане небесные. Поэтому, когда кто облеченный достоинствомъ приходитъ къ нимъ, то здѣсь особенно пропадаетъ вся надменность ⁶⁾). Ничто у святыхъ — царь, ничто — начальникъ, но, какъ мы смѣемся надъ дѣтьми, въ игрѣ представляющими царя, или начальника, такъ и они презираютъ гордость тѣхъ, которые внушаютъ страхъ собою ⁷⁾). Тамъ высота смиренномудрія, тамъ люди, блиставшіе прежде мірскими почестями, или славившіеся богатствомъ, теперь стѣсняють себя во всемъ. Большой тамъ тотъ, кто предупреждаетъ другаго въ отправленіи самыхъ низкихъ работъ. Тамъ не говорятъ: это мое, это твое. Оттуда изгнаны эти слова, служащія причиною безчисленнаго множества распрей ⁸⁾). Туда не могутъ вкратъся гордость и высокоуміе, тамъ не знаютъ, что такое лестъ. У нихъ во

1) Бес. на Ев. Мѡ. III, 243.

2) — стр. 244.

3) — стр. 174.

4) — стр. 195.

5) — стр. 196.

6) — стр. 197.

7) — стр. 198.

8) — стр. 243.

всемъ равенство, а потому они весьма удобно преуспѣваютъ въ добродѣтели. Такое равенство гораздо болѣе способствуетъ къ наученію низшихъ, нежели когда бы ихъ невольно заставляли уступать первенство высшимъ, потому что, какъ человѣка дерзкаго вразумляетъ тотъ, кто, получивъ отъ него обиду, уступаетъ ему, такъ и честолюбіяго научаетъ смиренію тотъ, кто не гонится за славою, но презираетъ ее. Они употребляютъ усилія, чтобы не имѣть первенства, но быть въ униженіи, и всячески стараются превзойти другъ друга въ томъ, чтобы не самимъ пользоваться честию, а воздавать ее другимъ. И это легко для отшельника, потому что отшельника занимаетъ собою только пустыня, онъ видитъ летающихъ птицъ, колеблемыя вѣяніемъ вѣтерка дерева, потоки, быстро текущіе по долинамъ ¹⁾... Полная духовная собранность, самоотреченіе, смиреніе и готовность служить людямъ безъ конца — идутъ у иноковъ параллельно съ самымъ строгимъ внѣшнимъ аскетизмомъ. Послѣднее выражается и въ одеждѣ, и въ пищѣ. Одежда у нихъ, говоритъ Златоустъ, соотвѣтственная ихъ мужеству. Они облечены не въ длинныя одежды, какъ люди изнѣженные и разслабленные, но одежды ихъ приготовлены, какъ у тѣхъ блаженныхъ ангеловъ—Иліи, Елисса, Іоанна и прочихъ святыхъ ужей ²⁾. Трапеза пустынножителей подобна красивой и благообразной женѣ, которая не нуждается ни въ какихъ внѣшнихъ украшеніяхъ, но имѣетъ природную красоту ³⁾. Питаются они не вареными мясами безсловесныхъ животныхъ, по Словамъ Божіимъ ⁴⁾. Трапеза ихъ безъ всякаго излишества, чиста, исполнена благочестія ⁵⁾, потому что они употребляютъ пищу не для пресыщенія и наслажденія, а для удовлетворенія естественной потребности. Нѣтъ между ними ни птицелововъ, ни рыболововъ. Они довольствуются хлѣбомъ и водою ⁶⁾. Не предлагаютъ они множества блюдъ, распространяющихъ благоуханіе, но подаютъ одни только хлѣбъ и соль, а другіе прибавляютъ еще

1) — стр. 245.

2) — стр. 175.

3) — стр. 215.

4) — стр. 179.

5) — стр. 195.

6) — стр. 213.

слся; у иныхъ, болѣе немощныхъ, подаются еще травы и овощи ¹⁾). Нѣтъ у нихъ потоковъ крови, они не разсѣкають мясь, нѣтъ головныхъ болей, нѣтъ приправъ къ кушаньямъ, нѣтъ ни тяжелаго запаха, ни непріятнаго курева, ни безпрестаннаго бѣганья и шума, ни суматохи и криковъ неслыханныхъ, а только хлѣбъ и вода: вода изъ чистаго источника, хлѣбъ—отъ трудовъ праведныхъ. Если же захотятъ получше приготовить пищу, то ягоды составляютъ ихъ лакомство. Трапеза ихъ—трапеза ангеловъ ²⁾). Постелью служить имъ просто трава, многіе спятъ, не имѣя крова, а небо служить имъ вмѣсто крова и луна вмѣсто свѣтильника, который не имѣетъ нужды ни въ маслѣ, ни въ томъ, чтобы поправлялъ его и для нихъ то однихъ не даромъ свѣтитъ луна ³⁾) и т. д. Сонъ ихъ бываетъ благопристойнымъ: тамъ не услышишь, ни храпящихъ, ни зѣвающихъ, не увидишь ни раскинувшагося во снѣ, ни обнаженнаго, но всѣ спятъ, лежа благоприличнѣе, нежели бодрствующіе. Великій страхъ предъ Богомъ не позволяетъ имъ впадать въ глубокій сонъ и погружать душу въ плотъ, но сонъ, какъ бы снаружи прикасается ихъ только для ихъ успокоенія. *И все это происходитъ отъ благаго настроенія души* ⁴⁾). Аскетизмъ внѣшній, какъ отрѣшенность человѣка отъ земныхъ и животныхъ началъ его природы, необходимо предполагается въ христіанствѣ въ силу назначенія послѣдняго служить возвращенію грѣшнаго человѣка въ состояніе первозданной красоты и нравственной чистоты. Поэтому, аскетизмъ долженъ быть признакомъ общехристіанскимъ. Послушай, говоритъ Златоустъ, какая жизнь у кочующихъ скивоовъ, какой образъ жизни у номадовъ, такъ надобно жить и христіанамъ, *обходитъ вселенную, воюя съ діаволомъ и осуждая плънннхъ имъ* и забывать все житейское ⁵⁾). Аскетизмъ исключительный, какъ личный подвигъ лицъ, особенно ревнующихъ о преспѣяніи въ мірѣ христіанской идеи, необходимо соединяется съ элементомъ обществен-

¹⁾ Бес. на 1 Тим. стр. 209.

²⁾ Бес. на Ев. Мѡ. Ш, 195; на 1 Тим. 204.

³⁾ Бес. на Ев. Мѡ. Ш, стр. 196.

⁴⁾ Бес. на 1 Тим. стр. 206.

⁵⁾ Бес. на Ев. Мѡ. Ш, стр. 193.

ности. Поэтому, аскеты-подвижники *суть свѣтильники, сияющіе по всей землѣ;—стѣны, которыми ограждаются и поддерживаются самые города. Они для того удалились въ пустыни, чтобы научить и тебя презирать суету мірскую* ¹⁾. Монастыри доставляют тихую пристань: уподобляются свѣтиламъ, которыя, будучи помѣщены въ пристани, съ высоты свѣтятъ людямъ, приходящимъ издалека, привлекая всѣхъ къ своей тишинѣ, не допуская тѣхъ, которые обращаютъ взоръ свой на нихъ, подвергнуться кораблекрушенію, и тѣмъ, кто взираетъ на нихъ, не позволяя пребывать во мракѣ ²⁾. Поэтому, Златоустъ считалъ монастыри высшими христіанскими школами добродѣтели, насаждающими въ душахъ людей ясное сознаніе христіанской идеи въ ея существѣ и здравыя понятія о вещахъ ³⁾. Изъ представленнаго изображенія монастырской жизни ⁴⁾ можно видѣть не только наличное состояніе монастырской жизни въ лучшихъ монастыряхъ временъ Златоуста, но и то вліяніе, какое они могли имѣть на послѣдняго. Пробывшій у иноковъ одинъ, или два дня, по словамъ Златоуста, получалъ большую пользу. Но самъ Іоаннъ провелъ въ общежительномъ монастырѣ цѣлыхъ четыре года (*δὲς δέο*) и не ради внѣшняго изученія монастырскихъ нравовъ, а въ силу внутренняго влеченія къ подвигамъ нравственнаго совершенствованія. Подъ руководствомъ суроваго старца онъ несъ полное монастырское послушаніе и имѣлъ всѣ средства, какія даетъ монастырь для духовнаго преслѣянія. Въ уединеніи пустыни, подъ руководствомъ старца, въ ближайшемъ общеніи съ великими подвижниками духа, въ суро-

1) Бес. на Ев. Мѡ. III, 247.

2) Бес. на I Тим. стр. 204.

3) На Ев. Мѡ. III, 178, 247.

4) Для подробнаго и обстоятельнаго ознакомленія со взглядами Златоуста на монашество рекомендуемъ читать слѣд. творенія его: а) къ Димитрію Монаху о сокрушеніи слово первое; б) къ Стеলেখію и о сокрушеніи слово второе; в) противъ преслѣдующихъ тѣхъ, которые руководствуютъ къ монашеской жизни—слово первое; г) къ невѣрующему отцу—слово второе; е) къ вѣрующему отцу—слово третье; ф) три слова къ подвижнику Стагирию. Перечисл. слова въ рус. переводѣ помѣщены въ III томѣ словъ Златоуста. Заслуживаютъ особеннаго вниманія въ указанномъ отношеніи бесѣды Златоуста на Ев. Матѡея—68, 72 и 73 и на 1 посланіе къ Тимоѡею, бесѣда 14.

выхъ аскетическихъ подвигахъ онъ проходилъ христіанскую школу самопознанія и самоотреченія ¹⁾). Несомнѣнность благотворнаго вліянія монастырской жизни на Іоанна и именно въ пастырскомъ отношеніи ясна для насъ изъ той характерной особенности жизни описываемыхъ Златоустомъ монастырей, что въ ней были тѣсно соединены элементы—лично-аскетическій и пастырски-общественный. Первый выражался въ суровыхъ подвигахъ иноковъ и ихъ отрѣшенности отъ пристрастія къ земному. Второй обнаруживался въ дѣлахъ духовной и тѣлесной милости по отношенію къ приходившимъ въ монастырь странникамъ и общемъ духѣ любви и готовности безкорыстнаго служенія людямъ, который сразу подмѣчался пришельцемъ и благотворно дѣйствовалъ на его нравственное самосознаніе. Имѣя въ виду содержаніе и характеръ написанныхъ Златоустомъ за время отшельнической жизни твореній, мы убѣждены, что здѣсь, — въ тиши пустынныхъ монастырей созрѣвала въ душѣ Іоанна пастырская идея, пока лишь въ формѣ постепенно возрастающей внутренней борьбы между любовію къ ближнимъ и сознаніемъ своего недостойства. Во время своей жизни въ общежительномъ монастырѣ Іоаннъ, кромѣ знаменитыхъ словъ о священствѣ, написалъ нѣсколько замѣчательныхъ по силѣ религіознаго чувства и ясности христіанскаго сознанія твореній. Изъ нихъ укажемъ—къ Димитрію монаху о сокрушеніи и къ Стелехію о сокрушеніи, писанные по частнымъ поводамъ, и противъ гонителей монашеской жизни—послание общаго характера. Слово о сокрушеніи первое написано Златоустомъ по просьбѣ нѣкаго Димитрія, какъ это объясняетъ самъ авторъ въ началѣ слова. По своему званію этотъ Димитрій, былъ монахъ, какъ это можно видѣть изъ всего содержанія словъ, и въ особенности изъ окончанія. Содержаніе слова опредѣляется самымъ его надписаніемъ. Іоаннъ, самъ полный сокрушенія, призываетъ къ нему Димитрія и указываетъ общія основанія постояннаго скорбнаго чувства христіанина въ общемъ упадкѣ добродѣтели, въ господствѣ зла, отсутствіи любви къ ближнему и непрерывной враждѣ людей. Таково же по содер-

¹⁾ Начало его жизни въ монастырѣ относится къ концу 374, или къ началу 375 года.

жанію слово второе о сокрушеніи, написанное по просьбѣ нѣкоего монаха Стелехія, какъ это видно изъ начала слова. Слово къ Стелехію написано несомнѣнно послѣ слова, къ Димитрію и составляетъ необходимое продолженіе послѣдняго, какъ это можно видѣть изъ словъ самого Златоуста, когда онъ отсылаетъ Стелехія къ прежде написанному письму ¹⁾. Оба слова о сокрушеніи составляютъ плодъ аскетическаго самоуглубленія и проникнуты возвышенною любовію ко Христу, духомъ умиленія и глубокой скорби о грѣховности и глубинѣ паденія человѣческаго существа. *Какъ плодъ аскетизма*, они будятъ душу грѣшника, смиряютъ гордость, уничтожаютъ самомнѣніе и выводятъ на путь самопознанія и покаяннаго сокрушенія. Самъ глубоко понявшій сущность и смыслъ монастырскаго аскетизма, Златоустъ выступаетъ горячимъ защитникомъ монашества въ своихъ трехъ замѣчательныхъ въ этомъ отношеніи твореніяхъ, писанныхъ въ это же время,—это: 1) *adversus oppugnatores, qui ad monasticam vitam inducunt*; 2) *Ad infidelem patrem*; 3) *ad fidelem patrem* ²⁾. По содержанію са-

¹⁾ De compunctione ad Stelechium lib. II, pag. 176.

Время написанія словъ о сокрушеніи приблизительно опредѣляется на основаніи самаго содержанія ихъ. Такъ въ словѣ къ Димитрію Іоаннъ скорбитъ о томъ, что праздные плотскіе вопросы о пищѣ и жилищѣ свойственны даже и монахамъ. Но, не желая быть суровымъ обличителемъ монаховъ, онъ ссылается на личный примѣръ (*de compunctione ad Demetrium lib. I, pag. 162*). Изъ его словъ съ очевидностію слѣдуетъ, что посланіе къ Димитрію написано вскорѣ по вступленіи Іоанна въ монашескую жизнь (*περὴν, παρεν*), т. е. послѣ начала 375 г. По заключенію Монфоніона слово къ Димитрію написано не поздѣе 376 г. Заключенія Тильмона и Германціи о болѣе позднемъ происхожденіи словъ о сокрушеніи—лишены всякихъ основаній (*Montfauc. in duos sequentes de compunctione libros admonitio t. I, pag. 149*). Штиллингъ допускаетъ возможность появленія словъ о сокрушеніи даже въ 377 году, но не позднѣе. Монашеская жизнь Златоуста началась въ 375 г., между этимъ событіемъ и написаніемъ словъ должно было пройти нѣкоторое время прежде чѣмъ Златоустъ ознакомился съ монастырскою жизнью и иноками (*Acta sanctorum, September, tom. IV, pag. 431*).

²⁾ По времени своего появленія въ свѣтъ перечисленные три труда Златоуста принадлежатъ къ раннѣйшимъ его твореніямъ и, конечно, совершенно несомнѣнно, что они написаны до пресвитерства. Время можно точно опредѣлить на основаніи хронологической даты событія, послужившаго поводомъ къ ихъ написанію. Этимъ поводомъ послужило, какъ извѣство, гоненіе Валента на монаховъ. По извѣстію Павла Орозія (*lib.*

мыхъ апологій Златоуста можно судить о поводѣ и обстоятельствахъ ихъ написанія. Во время Златоуста открылось теченіе мірскихъ людей въ уединеніе пустыни и подъ ру-

XVII, сар. 33), арианинъ Валентъ, по смерти брата своего Валентиніана, благочестиваго каеолика, открылъ гоненіе на православныхъ въ особености же на монаховъ. Онъ издалъ законъ, чтобы монахи были изгоняемы изъ монастырей и отдаваемы въ военную службу (*ad militiam cogentur*). Таково же извѣстіе Іеронима: *Valens legem dedit, ut monachi militarent*. Издавъ этотъ законъ былъ въ годъ смерти Валентиніана, которая согласно относится къ ноябрю 375 г. Итакъ, законъ Валента изданъ былъ въ началѣ 376 года и несомнѣнно, въ Антиохіи, или вообще въ Сиріи, гдѣ Валентъ находился въ концѣ 375 и началъ 376 гг. Около Пасхи. 376 г. (Василій Вел. письмо 256 или 201) и началось гоненіе на монаховъ въ Сиріи. Вскорѣ же послѣ начала гоненія, Златоуста, извѣстнаго уже между монахами строгостію жизни, ученостію, краснорѣчіемъ, и по ранѣе написаннымъ твореніямъ, попросили выступить съ литературною защитою монашества и онъ написалъ эти три произведенія, о которыхъ мы говоримъ. Учебный издатель Златоустовыхъ твореній выставляетъ вѣсколько возраженій противъ указанной хронологической даты. 1) Онъ находитъ весьма возможнымъ, что указанныя три посланія Златоуста написаны прежде 374 г., на томъ основаніи, что будто бы Іоаннъ упоминаетъ въ первой изъ указанныхъ книгъ о существованіи жертвоприношеній идоламъ, а послѣднія запрещены указами Валентиніана и Валента прежде смерти перваго, т. е. ранѣе 374 г. слѣдов., соображаетъ Тильмовъ, слово въ защиту монашества писано ранѣе этого времени, т. е. до 374 г. Но слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ возраженіи въ заключеніи дается болѣе, чѣмъ въ посылкахъ. Возраженіе обосновывается на тѣхъ словахъ Златоуста, гдѣ онъ сѣтуетъ о томъ, что въ его время и при благочестивыхъ царяхъ (*τῶν βασιλέων ἐν εὐσεβείᾳ ζῶντων*) совершается такое незаконное дѣло (гоненіе на иноковъ), онъ сѣтуетъ объ упадкѣ нравовъ и рассказываетъ, какъ доказательство послѣдняго, что одинъ изъ христіанъ, прельщенный діаволомъ, сказалъ однажды, что онъ готовъ ступить отъ христіанства и принести жертву демонамъ (*ἐτόλμησεν εἰπεῖν, ὅτι καὶ τῆς πίστεως ἀποστήσει καὶ θύσεται δαίμονιν*—pag. 56). Но эти слова не даютъ еще права заключать о широкой распространенности идолослуженія, а указываютъ только на нѣкоторый упадокъ нравовъ, и притомъ, какъ частный фактъ. Кромѣ того, еслибы содержаніе слова противъ преслѣд. монаш. и давало право на указанное заключеніе, оно не говорило бы, однако, ничего противъ установленной вами хронол. даты, такъ какъ нужно привѣсть во вниманіе, какъ возможное, то обстоятельство, что указъ императоровъ о прекращеніи идолослуженія приводится въ исполненіе въ продолженіи двухъ лѣтъ, отъ 374 до до 376, когда явилась апологія Златоуста. Возраженіе падаетъ. 2-е возраженіе противъ появленія апологіи Іоанна во время Валента основывается на томъ, что Златоустъ называется царей благочестивыми (*εὐσεβεῖς*), тогда какъ извѣстно, что Валентъ былъ арианинъ и гонитель монашества, слѣдов., заключаютъ, она писана не во время Валента.

ководство старцевъ. Много было случаевъ, когда дѣти благородныхъ и знатныхъ родителей, подъ вліяніемъ тайныхъ бесѣдъ съ благочестивыми иноками, получали отвращеніе отъ мірской, суетной жизни и обращались въ монастыри къ подвижнической жизни. Понятно, что такое теченіе въ монашество не правилось людямъ міра. Люди высшаго круга были, по словамъ Златоуста, проникнуты стремленіями къ власти, богатству и карьерѣ, а на образованіе смотрѣли исключительно, какъ на средство къ полученію

На это нужно замѣтить, что благочестивыми царей называетъ Златоустъ безъ особеннаго ударенія на ихъ личныхъ нравственныхъ качествахъ и чистотѣ ихъ религіозныхъ убѣжденій. Въ данномъ случаѣ онъ просто противопоставляетъ христіанское общество обществу языческому, царей языческихъ (*οἱ βασιλεῖς τῶν Περσῶν, οἱ ἄρχοντες Ἀσσυρίων*) царямъ христіанскимъ (*οἱ δὲ ἡμεῖτεροι βασιλεῖς, οἳ τὰν πάντα τούτων καὶ ἐπιθυμοῦσι καὶ ἐύχονται*) и на основаніи этого старается еще болѣе выяснитъ всю несообразность того печальнаго факта, который онъ обличаетъ. Его слова въ данномъ случаѣ и имѣютъ такой же смыслъ, какъ и слова Григорія Богослова, когда онъ называетъ аріанина Ковстанція боголюбивѣйшимъ и христіанствующимъ изъ царей, благочестивымъ (*εὐσεβής*), какъ царя все же христіанскаго въ противоположность съ Юліаномъ отступникомъ, недостойнымъ его благочестія (см. Григорія Богослова творенія т. I, слово первое обличительное на царя Юліана, см. стр. 85, 97, 104—105). 3-е возраженіе относитъ появленіе апологіи монашества ко времени пресвитерства Златоуста на томъ основаніи, что будто бы самъ онъ называетъ себя такъ, когда возлагаетъ на родителей отвѣтственность за воспитаніе дѣтей и приводитъ въ примѣръ Ап. Павла: *διὰ τοῦτο καὶ ὁ μακάριος Παῦλος παραίνει συνεχῶς λέγων. οἱ πατέρες, ἐκτρέφετε τὰ τέκνα ἐν παιδείᾳ καὶ νοῦ-θεσίᾳ κυρίου. Εἰ γὰρ ἡμεῖς ἀγροπλεῖν ὑπερ τῶν ψυχῶν αὐτῶν κελυόμεθα ὡς λόγον ἀποδώσαντες, πολλῶ μᾶλλον ὁ πατήρ... etc.* lib. III, pag. 101). Возраженіе опирается на словъ *ἡμεῖς* и утверждаетъ, что Златоустъ былъ въ это время пресвитеромъ. Но слабость возраженія очевидна. Выраженіе „мы—*ἡμεῖς*“ есть ничто иное, какъ обычный проповѣдническій приемъ, а въ данномъ случаѣ есть только персонификація Ап. Павла. Можно указать много мѣстъ изъ тѣхъ же апологій монашества такихъ, которыя идутъ совершенно въ разрѣзъ съ указаннымъ возраженіемъ. Напр. въ той же 3-ей апологіи, указавъ преимущества монаст. воспитанія дѣтей, Златоустъ убѣждаетъ: *μη τοίνυν μηδὲ ἡμεῖς πρὸ ὥρας ἀπάγομεν τῆς κατα τὴν ἐρημίαν διατριβῆς τοῦ βίου, ἀλλ' ἐάσωμεν αὐτοῖς ἐμπαῆναι τὰ μάθηματα etc.* pag. 133. Ясно, что Златоустъ, не имѣвшій собственныхъ дѣтей употребляетъ здѣсь обычный проповѣдническій приемъ, отождествляя себя съ слушателями. Итакъ, всѣ три возраженія противъ установленной выше хронологической даты несостоятельны. Апологіи монашества написаны въ 376 г., въ первые годы монастырской жизни Златоуста.

внѣшнихъ благъ, совершенно забывая о главной цѣли образованія—возвышеніи и облагороженіи духа христіанскими понятіями. Когда отцы убѣждаютъ дѣтей заниматься науками, говоритъ Златоустъ, то въ ихъ разговорѣ съ дѣтьми не услышишь ничего другаго, кромѣ такихъ словъ: такой то, говорятъ, человѣкъ низкій и изъ низкаго состоянія, усовершенствовавшись въ краснорѣчіи, получилъ весьма высокую должность, приобрѣлъ большое имѣніе, взялъ богатую жену, построилъ великолѣпный домъ, сталъ для всѣхъ страшенъ и знаменитъ. Другой, говорятъ, изучивъ латинскій языкъ (*τῆρ Ἰταλῶν γλώσσαν ἐκλαδευθεὶς*), блистаетъ при дворѣ и всѣмъ распоряжается тамъ. Иной опять указываетъ на другаго и всѣ—на славныхъ на землѣ (*τοὺς ἐπὶ γῆς ευδοκίμους*), а о прославившихся на небесахъ никто не вспомнить и однажды, даже, если и другой рѣшится напомнить объ нихъ, его преслѣдуютъ, какъ все разстраивающаго ¹⁾. При такомъ міровозрѣніи образованнаго класса удаленіе молодыхъ людей въ монашество было встрѣчаемо ненавистью и враждою къ тѣмъ отшельникамъ пустынь, которые силою своего нравственнаго вліянія привлекали къ себѣ юношество. Родители угрожали сыновьямъ лишеніемъ наслѣдства и пламенѣли злобою къ монахамъ. Среди такихъ обстоятельствъ былъ изданъ Валентомъ указъ о преслѣдованіи монаховъ и опредѣленіи ихъ въ военную службу. Лично для Валента указъ былъ вызванъ желаніемъ ослабить ряды поборниковъ православія, какими были монахи. Что касается общества, то указъ Валента былъ принятъ съ восторгомъ, такъ какъ давалъ удовлетвореніе дикимъ инстинктамъ черни и затаенной ненависти противъ монаховъ высшаго класса общества. И вотъ всюду началось самохвальное жестокое гоненіе на монаховъ. Какъ будто какой злой духъ вселился въ души всѣхъ, только и рѣчей было, что объ этомъ. Пойдешь ли на площадь, или въ аптекарскія лавки, или въ какую бы то ни было часть города, гдѣ только обыкновенно собираются праздные люди, вездѣ увидишь, какъ всѣ смѣются. Какъ воины, сдѣлавъ много сраженій и одержавъ много побѣдъ, весело рассказываютъ о своихъ подвигахъ, такъ и эти люди хвастаютъ своими дерзостями. Ты услышишь,

¹⁾ Adversus oppugnatae monast. lib. III, pag. 103. Montf. t. I.

какъ одинъ говоритъ: я первый наложилъ руки на такого то монаха и нанесъ ему удары; другой: я прежде другихъ отыскалъ его келью, а я, говоритъ иной, сильнѣе другихъ раздражилъ противъ него судью, иной хвастаетъ темницею и ужасами темницы, и тѣмъ, что онъ влачилъ святыхъ тѣхъ по площади. Потомъ всѣ начинаютъ смѣяться надъ этимъ ¹⁾ и т. д. Въ это-то время къ Иоанну пришелъ одинъ изъ его друзей и просилъ его написать увѣщательное слово къ гонителямъ монашества. Иоаннъ сначала долго и упорно отказывался, ссылаясь на свою неопытность и, въ особенности, на нежеланіе разоблачать предъ язычниками непривлекательныя стороны христіанской жизни. Но когда другъ убѣдилъ его, что разладъ въ христіанской жизни не составляетъ уже тайны для язычниковъ и потому самому нужно особенно спѣшить съ увѣщаніемъ къ неразумнымъ. И вотъ Златоустъ въ своихъ знаменитыхъ трехъ апологіяхъ выступаетъ защитникомъ монашеской жизни ²⁾. Онъ убѣждаетъ гонителей монашества, что они борются противъ самихъ себя, святые же мужи, которыхъ они изгоняютъ, не потерпятъ ни малѣйшаго вреда, а будутъ еще въ ближайшемъ общеніи съ Богомъ, потому что перенесеніе обидъ и злословій доставляетъ награду страждущимъ и злословимымъ ³⁾. Сущность возрѣній Златоуста на монашество сводится къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) монашество вызвано неудовлетворительнымъ состояніемъ христіанской жизни и его цѣль—въ поднятіи христіанской нравственности; 2) монастыри могутъ быть излишними лишь въ томъ случаѣ, если христіанскій идеалъ будетъ достояніемъ дѣйствительности. Я часто хотѣлъ и молилъ, говоритъ Златоустъ, чтобы миновалась надобность въ монастыряхъ и было бы столько благочинія въ городахъ, чтобы никому не нужно было убѣгать въ пустыню. Но такъ какъ все пришло въ безпорядокъ и города, гдѣ судилища и законы, полны стали беззаконія и неправды, напротивъ, пустыня произращаетъ обильный плодъ любомудрія, справедливость требуетъ, заключаетъ Златоустъ, чтобы вы винили не тѣхъ, которые

¹⁾ *Adversus oppugn. vitae monast. lib. I, 57.*

²⁾ *S. Jean Chrysostome, considéré comme orateur populaire, par Paul Albert, s. 296.*

³⁾ *Adversus oppugn. vitae monast. I, 61.*

желающихъ счастіе исторгаютъ изъ этой бури и волненія и ведутъ въ тихую пристань, но тѣхъ, которые дѣлаютъ каждый городъ такъ неудобнымъ и негоднымъ для любомудрія, что ищущіе спасенія принуждены бывають убѣгать въ пустыни ¹⁾. Въ двухъ послѣднихъ апологіяхъ монашества Златоустъ опровергаетъ безусловное значеніе принциповъ мірской жизни, какое имъ приписывали люди міра. Онъ указываетъ на призрачность богатства и славы, и абсолютное значеніе нравственной чистоты въ качествѣ принципа истинной жизни. Невѣрующему отцу онъ говоритъ, становясь на точку зрѣнія послѣдняго, что слава, могущество и общественное вліяніе—все это въ большей степени дѣлается достояніемъ монаховъ. Ни пустыня не дѣлаетъ безчестнымъ, ни пребываніе въ царскомъ дворѣ славнымъ и знатнымъ ²⁾. Слава и знатность не въ одеждѣ, не въ мѣстѣ, не въ санѣ и не во власти, но въ душевной доблести и любомудріи ³⁾. Христіанское любомудріе соединяетъ въ одной душѣ двѣ противоположныя для обыкновенныхъ людей вещи—смиреніе и высоту. У монаха есть и могущество—необходимое могущество терпѣнія, есть и слава, есть и удовольствія, ибо онъ наслаждается внутреннимъ миромъ. Въ третьей апологіи монашества,—къ вѣрующему отцу, Златоустъ беретъ точку зрѣнія христіанина и указываетъ, какъ на затемненіе христіанскаго сознанія, на печальный фактъ внесенія эгоистическихъ элементовъ въ христіанское міровоззрѣніе, вслѣдствіе чего христіане заботятся о внѣшнихъ выгодахъ и преимуществахъ личныхъ. Цѣлѣнное христіанское міровоззрѣніе отражается по преимуществу неблагоприятно на методѣ и задачахъ воспитанія и образованія. Цѣлю послѣдняго поставляется карьера и видная роль въ обществѣ. Сообразно съ таковыми взглядами, то, что какъ нибудь, хотя бы косвенно, служитъ достиженію извѣстности, даже при несомнѣнной порочности, считается добромъ. Худо не одно то, говоритъ Іоаннъ, что вы внушаете дѣтямъ противное заповѣдямъ Христовымъ, но и то еще, что прикрываете не-

¹⁾ Ibid. pag. 65—66.

²⁾ ib. II, pag. 80.

³⁾ Ibid. pag. 81.

честіе благозвучными именами, называя постоянное пребываніе на конскихъ ристалищахъ и въ театрахъ — свѣтскостію, обладаніе богатствомъ — свободою, славолубіе — великодушіемъ, дерзость — откровенностію, расточительность — человѣколюбіемъ, несправедливость — мужествомъ. И какъ будто мало еще этого обмана, вы и добродѣтель называете противными именами: скромность — необразованностію, кротость — трусостію, справедливость — слабостію, смиреніе — раболѣпствомъ, незлобіе — безсиліемъ ¹⁾ и т. д. Златоустъ видитъ въ указанныхъ сторонахъ воспитанія дѣтей забвеніе основнаго принципа христіанской жизни — любви къ ближнимъ и устрашаетъ отвѣтственностію за небреженіе объ этомъ началѣ христіанской жизни. Онъ съ особенною силою останавливается на томъ безспорномъ положеніи, что безъ попеченія о ближнемъ невозможно личное спасеніе. Онъ перечисляетъ девять степеней человѣческаго отпаденія отъ христіанской любви: 1) жестокость въ отношеніи къ животнымъ; 2) норадѣніе о врагахъ; 3) презрѣніе къ братіямъ, хотя бы они были невѣжды; 4) норадѣніе о домашнихъ; 5) небреженіе не только о тѣлѣ ихъ, но и о душѣ; 6) безпечность въ отношеніи къ гибели нашихъ дѣтей; 7) нежеланіе поискать опытныхъ воспитателей; 8) препятствіе тѣмъ, которые добровольно берутъ на себя задачи христіанскаго воспитанія; 9) гоненіе на лицъ, пекущихся объ общественномъ благѣ ²⁾. Яркими красками изображаетъ онъ неприглядное состояніе современнаго ему воспитанія юношества, сильными словами бичуетъ онъ привязанность родителей къ землѣ и къ земному, страшитъ отвѣтственностію за нравственную порчу дѣтей. Но отнесшись отрицательно къ современному строю воспитанія, Златоустъ не остановился на этомъ, но указалъ свои положительные принципы воспитанія, при руководствѣ которыми личное нравственное совершенствованіе идетъ неразрывно отъ общественнаго подвига спасенія ближнихъ. Онъ поставляетъ въ тѣсную связь и соотношеніе научный прогрессъ и нравственное совершенствованіе и утверждаетъ невозможность одного безъ другаго. Для успѣшнаго занятія

1) *Adversus oppugn. vitae monast. lib. III, pag. 106—107.*

2) *Ibid. pag. 96.*

словесностию, говоритъ онъ, нужна добрая нравственность, а добрая нравственность не нуждается въ пособіи словесности. Можно быть цѣломудреннымъ и безъ внѣшней учености, но никто никогда не успѣетъ въ наукахъ безъ добрыхъ нравовъ, когда будетъ все время проводить въ порокахъ и распутствѣ¹⁾. Основной принципъ воспитанія и образованія, по Златоусту, есть религіозность: *οὕτως ἡ οὐτως σοφία καὶ ἡ οὕτως παιδεία οὐδὲν ἕτερον ἐστίν, ἀλλ' ὁ τοῦ Θεοῦ φόβος*²⁾. Когда душа цѣломудренна, тогда не будетъ никакой потери отъ незнанія краснорѣчія, а когда она развращена, тогда отъ нея величайшій вредъ, хотя бы языкъ у такого человѣка былъ и весьма изощренъ и даже тѣмъ больше вреда, чѣмъ больше силы въ словѣ³⁾. При недостаткѣ христіанскихъ школъ въ Антиохіи, гдѣ бы христіанское юношество могло воспитываться въ добромъ направленіи, Златоустъ совѣтуетъ родителямъ отдавать дѣтей на воспитаніе въ монастыри и оставлять ихъ въ пустынномъ уединеніи до тѣхъ поръ, пока укоренятся въ нихъ сѣмена благочестія и они содѣлаются крѣпкими въ духовной брани и способными приносить пользу ближнимъ. Онъ убѣждаетъ оставить возмутительное разграниченіе обязанностей иноческихъ и мірскихъ, юношескихъ и старческихъ, относя къ однимъ полную обязательность нравственныхъ правилъ, а другихъ освобождая отъ руководствованія ими. Свое слово къ вѣрующему отцу Іоаннѣ заключаетъ призывомъ къ прославленію Бога за то, что истина Христова существуетъ немерцаемо среди грѣховнаго мрака міра. Всѣ три апологіи Златоуста кромѣ своего соотвѣтствія прямой цѣли ихъ появленія важны весьма въ томъ отношеніи, что въ принципѣ измѣняютъ взглядъ на воспитаніе, поставляя послѣднее для руководителей и воспитателей, какъ цѣль саму въ себѣ, но не какъ средство для достиженія какихъ нибудь постороннихъ и неимѣющихъ прямого отношенія къ воспитательной идеѣ цѣлей. Но особенно важны указанныя апологіи въ отношеніи къ исторіи развитія въ сознаніи Златоуста пастырской идеи на аскетическихъ началахъ⁴⁾. Мы ви-

1) Ibid. pag. 116.

2) Ibid. pag. 118.

3) Ibid. pag. 116.

4) Къ этому же времени жизни Златоуста нужно отнести еще небольшое, но замѣчательное по оригинальности взгляда его твореніе, которое

дѣли, что и въ эту пору сильнаго увлеченія личнымъ аскетизмомъ Златоустъ сознавалъ неразрывную связь между личнымъ и общественнымъ элементами въ дѣлѣ христіанскаго совершенствованія. Строгій подвижникъ, преклонившійся предъ аскетическимъ строемъ монастырской жизни, Іоаннъ не считалъ, однако, противнымъ идеѣ монашества—идею пастырски-педагогическаго служенія ближнимъ. Пламенный душою, вполне стремясь къ самопожертвованію ради блага ближнихъ, Іоаннъ въ себѣ самомъ все еще не находилъ силы и возможности для осуществленія своего идеала. Строгій къ своему внутреннему человѣку, онъ все еще видѣлъ въ послѣднемъ сѣмя тли и мучимый любовью къ ближнимъ онъ жаждалъ еще новыхъ и новыхъ подвиговъ ради совершеннаго уничтоженія грѣха въ своей душѣ и ради смиренія воли въ полное послушаніе Христову закону. И вотъ ради этой цѣли, ради удобства самоумерщвленія и самопознанія, Іоаннъ удалился въ одинокую пещеру и предался суровымъ аскетическимъ подвигамъ ¹⁾. По

носить у Монфокона такое заглавіе: *comparatio potentiae, divitiarum et excellentiae regis cum monacho in verissima et christiana philosophia vivente* (Montfauc. t. I; Fronto Ducacus t. IV). Относительно времени написанія точныхъ свидѣній нѣтъ, но Монфоковъ и Тильманъ вполне убѣждены, что сравненіе инока и царя написано во время жизни въ пустынѣ (*solitudinis fructum esse*). Не многословное твореніе Златоуста (*opusculum*) по содержанію сводится къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) у царя много мірскихъ нуждъ,—монахъ отъ нихъ свободенъ; 2) истинное царство есть господство надъ своимъ духомъ, свобода отъ страстей, а это, конечно, по преимуществу возможно для монаха, а не для царя; 3) царь ведетъ войну съ вѣщими врагами, а монахъ съ демонами и со страстями; 4) въ ночное время монахъ, бесѣдующій съ Богомъ, блаженнѣе всѣхъ; 5) смерть лучше для монаха, чѣмъ для царя; 6) наконецъ, монахъ заслуживаетъ почтенія отъ царя. На русскій языкъ это превосходное твореніе Златоуста не переведено, вѣроятно, потому, что существуютъ возраженія противъ его подлинности, но большинствомъ ученыхъ ови признаются неосновательными. Савилій въ своемъ изданіи твореній Златоуста помѣстилъ указанное сочиненіе между „spuria“, но совершенно напрасно. въ чемъ и самъ почти сознавался въ позднѣйшихъ примѣчаніяхъ. По мнѣнію Монфокона, это сочиненіе нужно считать подлиннымъ Златоуста и помѣстить въ ряду лучшихъ его твореній (*certe non modum Chrysostomi fetum, sed etiam inter elegantiores numerandum esse censemus*), In sequens opusculum monitum Montfauconis t. I, pag. 1—12.

¹⁾ Наиболѣе достовѣрное свидѣтельство объ этомъ пребываніи Златоуста въ пещерѣ принадлежитъ его біографу Палладію: *ὡς δὲ ἄρον περιεγύετο*

свидѣтельству Палладія, двухлѣтній подвигъ Юанна въ пещерѣ былъ непрерывнымъ аскетизмомъ, не въ смыслѣ только изнуренія и умерщвленія плоти, ночныхъ бдѣній стояній, но и въ смыслѣ постояннаго духовнаго восхожденія отъ силы въ силу путемъ изученія Слова Божія и молитвеннаго общенія съ Богомъ. Гармоническое соединеніе тѣлесныхъ и духовныхъ подвиговъ, самоумерщвленіе и самоуглубленіе способствовали окончательному выясненію для сознанія Златоуста великой пастырской идеи. Путемъ страданій онъ постепенно приходилъ къ возможности примиренія съ міровымъ зломъ, отъ котораго онъ бѣжалъ въ пустыню, онъ приходилъ къ сознанію великаго значенія самыхъ страданій и необходимости бороться со зломъ и врачевать страданія ближнихъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Л. Соколовъ.

τούτων, οὐδὲ πόνοφ τσοοῦτον, ὅσον λοφφ, ἀναχωρεῖ εν σπήλαιφ μόνος. γλιχόμενος ἀσθλιας. κάκει διατρέψας τρίς ὀκτώ μῆνας, ἄπνος διετέλει τὸ πλείστον, ἐκμανθάνων τὰς τοῦ Χριστοῦ διαθήκας πρὸς ἐξοστρακισμὸν τῆς ἀγνοίας. Μὴ ἀναπεσῶν δὲ τὸν τῆς διαιτίας χρόνον, μὴ νύκτως, μὴ μεθ' ἡμέραν, νεκροῦται τα ὑπὸ γαστέρα, πληγεῖς ἀπὸ τοῦ κρούουσ τὰς περὶ τοῦρος νεφροῦς δυνάμεις (Palladii dialogus historicus pag. 18; ср. Theod. Trimuth. de vita et exsilio S. Joh. Chrys. pag. VI). Свидѣтельство Палладія, при своей краткости, однако, весьма выразительно и даетъ достаточныя свѣдѣнія о пребываніи Златоуста въ пещерѣ.